

Глава 1

Воскресенье, 25 декабря

В клетке, которую держал старик, опять кто-то зашуршал. Кто именно там шуршит, Киту не было видно. Большая полукруглая клетка была старательно замотана потёртым клетчатым пледом.

«Для тепла», — пояснил старик, еле дотащив клетку до сиденья и устраиваясь напротив Кита.

Старик вошёл, вернее, вполз в вагон в Малаховке. Маленький, щуплый, с ручками, похожими на птичьи лапки, он еле-еле тащил огромную и явно тяжёлую клетку. На старике была мохнатая зелёная шуба, чёрная шапка с помпоном и валенки. На окладистой растрёпанной бороде таял снег, превращаясь в прозрачные, сверкающие капли.

Устроившись, старик ещё пару станций шумно дышал, каждый раз вздрагивая, когда в клетке раздавалось шуршание. Бросал быстрый взгляд на Кита и нервно гладил плед.

Сначала Кит делал вид, что ему всё равно, что происходит напротив. «Пустой вагон, а старик сел именно здесь», — мелькнула мысль, но потом потерялась. В вагоне, кроме них двоих и неизвестного существа в клетке, больше никого не было. Поздняя электричка сонно летела сквозь подмосковный мрак. За окном шёл снег. Крупный, мягкий, как будто где-то на небе кто-то стриг большого лохматого пса. До Нового года оставалась ровно неделя.

Уже несколько дней Кит жил один. Мама улетела в командировку в другой город. Ей надо было провести какие-то мероприятия на рождественском фестивале. Папа уехал в Тулу к бабушке и должен был вернуться только в понедельник.

Сегодня Кит возвращался домой поздно, так как знал, дома его никто не будет ждать, а значит, можно немного задержаться. На Есенинской они жили уже полгода. Вернее, полгода, как они жили там постоянно. Устав от тесноты квартиры, родители решили переехать жить на дачу, тем более что оба большую часть времени работали дома. Старый дом,

построенный дедом Кита, был кирпичным, тёплым, но главное, в несколько раз больше их городской квартиры. Это была не старая дача, каких в посёлке много, с уютными застеклёнными башенками-верандами, где верхние стёкла в оконных переплётах делали разноцветными. Нет, это был простой кирпичный дом, который дедушка строил много лет, пристраивая то комнату, то террасу. Разноцветные окошки он не успел сделать. И Кит всё упрашивал родителей сделать такие: красные, как летняя земляника; голубые, как небо в прохладный весенний день; золотистые, как глаза у соседской кошки. Кошка иногда забредала к ним на участок и явно считала его своей собственностью. Ну разве такое бывает в обычной городской квартире?

Кит пошёл в новую школу, но друзей там пока не было. Иногда ездил в Москву, к старым знакомым. Сейчас они попросили его немного помочь с новогодним спектаклем. Нет, Кит вовсе не собирался становиться актёром. Ему всего-то надо было пройти пару раз по сцене в шапке с рыжими ушами, изображая хитрого лиса, который собирается съесть маленьких зайчат. Ещё пару раз сыграть что-то простенькое на флейте. Кит когда-то давно учился на ней играть. Года два ходил и бросил, но теперь

вот пригодилось. Главным злодеем был, ясное дело, волк. Волка играл Васёк. Он был на несколько лет старше, умел говорить басом и начинал хищно улыбаться, ещё только надевая шапку с волчьими ушами. Кита радовало, что не надо будет учить слова и запоминать что-то сложное, но можно поучаствовать в хорошем деле. Сегодня они играли первый спектакль в школе, где раньше учился Кит.

После спектакля Кит немного побродил по сверкающему предновогодними огнями городу, посмотрел на карусель на Красной площади. И только потом поехал на вокзал.

В клетке опять кто-то начал шуршать и постукивать, цепляясь за прутья твёрдыми коготками. «Потерпи, потерпи немного», — зашептал старик. Он снова погладил плед и посмотрел на Кита:

— Хорошая шапка!

Кит ехал со спектакля в коричнево-рыжем клетчатом шарфе и шапке с лисьими ушами. Шарф с шапкой сделала мама. За пару дней сваляла их из шерсти специально для спектакля. Всё-таки это круто, вот так уметь что-то делать руками! Кит так не особо что-то умел. Вообще, он не любил шапки и всегда старался ускользнуть из дома до того, как мама начинала многозначительно говорить о том, как

сегодня холодно. Но сейчас, когда родители уехали, Кит почему-то не снял шапку после репетиции.

Два раза старик вставал, словно собираясь выходить. Пытался поднять клетку, но это у него выходило плохо. Он снова садился, бросая растерянный взгляд то за окно с очередной уплывающей станцией, то на свои руки, которые мелко дрожали и были в каких-то пятнах. Потом старик гладил плед и шептал, мол, ничего, это же не последняя...

— Вам на какой сходить? — не выдержав, спросил Кит.

— На любой, где есть... — начал старик, потом посмотрел за окно и ответил конкретнее, — в Кратове.

— Давайте я вам помогу?

Не то чтобы Кит всегда помогал встречным старикам. Но дома всё равно никого не было. И до его дома от станции Кратово было не так далеко идти.

— Кто у вас там? Птичка?

— Птичка, птичка! — заулыбался старик. — Как ты догадался?

Кит пожал плечами.

В Кратове сошли вместе. Клетка оказалась неожиданно не такой тяжёлой, как казалась со стороны. По платформе с двух сторон тянулись узенькие тропинки, протоптанные поздними пассажирами. Дворники храпели в общежитии, рядом со станцией,

не подозревая, сколько снега им нужно будет убирать утром.

— Вам к пруду идти или на другую сторону?

— Мне туда, где почта. Знаешь, где она?

Где почта, Кит знал. Недалеко от станции. Небольшой деревянный домик, выкрашенный светлой краской. Металлическая дверь на входе, на стене — старый железный ящик для писем. Внутри домика был маленький зал для посетителей и несколько комнат для работников почты. Что в тех комнатах, Кит не видел, но точно знал, что, когда в зале собирается много людей, там становится тесно и душно. Мама иногда посылала туда Кита получить какие-то бандероли или отправить что-то бабушке. Но стоп, какая почта? Сейчас же без пятнадцати минут двенадцать. «Наверное, — подумал он, — старик живёт где-то рядом».

Словно угадав его мысли, старик вдруг остановился и потёр озябшие руки.

— Почта открывается в полночь! Это мы удачно сошли!

Кит решил не спорить. Ясно же, старик немного не в себе. Ну какой нормальный дед будет ходить в шубе зелёного цвета и дурацкой шапке с помпоном? Кит молча перенёс клетку через железнодорожные пути.

И замер: у магазинчика на углу торчали Гулюкин с Фроловым.

«Вот это попал», — пронеслось в голове. Не то чтобы Кит боялся новых одноклассников. Просто эта пара отличалась особым ехидством. Они не сильно приставали к Киту в школе, но сейчас, ночью, после спектакля, у него не было сил вступить с ними в дискуссию.

Кит мгновенно пожалел, что не снял шапку с лисьими ушами. «Ну точно, сейчас увидят и заорут про то, что в таких только самые лошары ходят». Он надвинул на глаза капюшон и посильнее сжал кольцо клетки.

Но то ли Гулюкин с Фроловым не догадывались, что кто-то из их правильных одноклассников может бродить в такое время по заснеженному Кра-тово, то ли просто смотрели в другую сторону, но почему-то Кит со стариком спокойно прошли мимо. И даже тот, кто сидел в клетке, не шелохнулся.

«Замри, птичка, замри», — повторял про себя Кит, обращаясь к неведомой твари под пледом. Они прошли мимо магазина, мимо запертого ателье, вдоль бетонного забора. Потом спокойно перешли улицу, ровно напротив домика почты. Окна в домике были тёмными. Серая дверь, обычно раскрытая настежь для посетителей, была заперта.

— Нам туда, за угол! — Старик показал рукой.

Кто-то в клетке начал возмущённо шипеть и греметь чем-то железным. Старик выхватил из рук Кита клетку и бросился за угол. И откуда только прыть взялась? Кит растерялся, но тут ему в спину прилетел снежок. За ним — ещё один. Кит даже не стал оглядываться — на другой стороне улицы слышались топот и громкий хохот Гулюкина:

— И кто это у нас так поздно погулять вышел?

Не раздумывая, Кит кинулся за угол почты, за которым исчез старик, и нырнул в первую же попавшуюся дверь.

«Слава богу, не заперто», — подумал он. Но тут же схватился за ручку, услышав голоса.

— Куда он подевался?

— Это же Никитос был, новенький наш, я точно видел!

— Блин, тут даже следов нет, не мог же он через забор перескочить?

Голоса постепенно удалились.

«Почему они не вошли? — удивился Кит. — Не заметили двери?»

Кит огляделся. Он стоял в маленькой плохо освещённой прихожей, из которой наверх вела лестница в семь ступенек, покрашенная красной краской.

Кое-где краска стёрлась от времени, и под ней проступило светлое дерево, отполированное множеством ног. Между входной дверью и лестницей лежал полосатый вязаный коврик.

«Странно, — подумал Кит, — на нашей почте точно нет таких лесенок». Мокрые следы вели наверх. Видимо, старик с клеткой уже поднялся.

Киту ничего не оставалось, как пойти за ним. Не выходить же на улицу.

«Я просто посмотрю в окно, ушли эти недоумки или нет. И всё!» — решил он.

Наверху была небольшая площадка и ещё одна дверь, под которой виднелась полоса света.

Кит толкнул дверь и застыл на пороге: перед ним был огромный зал, с белыми колоннами и высокими потолками. Потолок покрывал лепной орнамент из веток с какими-то странными фруктами. На ветках сидели птицы, разгуливали коты и драконы. Кит ошалело перевёл взгляд ниже — слева тянулся ряд высоких окон. Перед ними стояли два старинных письменных стола, на которых он разглядел чернильницы и ручки с железными перьями — такими писали раньше, Кит видел их в старых фильмах про школу. Рядом с чернильницами — аккуратные стопки чистой бумаги и промокашек.